

О каменных изваяниях Кыргызстана в образе Умай//катун

К. Табалдыев^а, Т. Абдиев^б

^аКыргызско-Турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызская Республика
(E-mail: kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg).

^{*}Автор для корреспонденции: kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg

^бКыргызско-Турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызская Республика
(E-mail: taalay.abдиев@manas.edu.kg)

ARTICLE INFO

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова:

каменные
изваяния,
статуя,
«трехрогий»
головной убор,
Тенгри, Умай,
каган, катун,
археологические
находки,
поминальные
комплексы,
Тюркский
каганат.

МРНТИ 03.41.91

DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2025-2-106-127>

В статье предлагается общий обзор каменных изваяний в «трехроговом» головном уборе и новых находок с изображением персонажа в подобном головном уборе. Ареал распространения этого образа в центрально-азиатском регионе с течением времени расширяется. Этот персонаж на монете, на костяной пластине и на камне изображен вместе с изображением мужского облика. Они имеют много общего с персонажами, высеченными на каменных изваяниях. Создатели этих произведений старались запечатлеть образ божества Умай или ее земную представительницу, шаманку, супругу кагана. Повторяющиеся сюжеты подтверждают, что образ мужчины с длинными волосами вместе с персоной в «трехроговом» головном уборе был наиболее распространенным, популярным в культуре раннесредневековых тюрков. Видимо, здесь содержится мысль о сопоставлении образа кагана и его супруги с Тенгри и Умай, с идеологией символизации каганской власти. Продуктом этой идеологии являются поминальные комплексы, где имеются изваяния властителей совместно со статуями супругов, их изображения на официальной государственной монете, на художественных произведениях. Постепенно образ женщины в «трехроговом» головном уборе и образ Умай в отдельных средах приобретает универсальный характер. Об этом свидетельствуют обычные семейного характера поминальные оградки, где есть ее изображения в аналогичном облике. Смена религиозного направления – принятие ислама также повлияло на упадок ее высокой роли. Но совсем не исчезла вера в Умай. Она упоминается в ритуально-магической речи, в обращениях, просьбах. Этнографические исследования, фольклор тюркских

народов указывают на том, что Умай иногда сопоставляется с представителями женщин высокого, влиятельного положения в обществе и могла олицетворять образ опытных женщин, принимающих роды.

Как известно, слово катун//хатун использовалось в качестве титула для жен тюркских и монгольских правителей или дочерей из семей правителей. Оно упоминается в древнетюркских письменных памятниках, но этимология до сих пор не ясна. Языковые материалы утверждают, что данное слово образовано от глагола кат- – «присоединять, прибавлять» посредством аффикса -ын и означает буквально «присоединившийся», как и келин: кел- «приходить» + ин, т.е. «пришлица». Таким образом, можно предположить, что исконно тюркское слово катун//катын//кадын, имеющее первоначальное значение «жена; женщина», во времена тюркского каганата приобрело новое значение «жена правителя», позже в таком значении оно было заимствовано монгольскими правителями.

***К. Tabaldyev^a**

^aKyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyz Republic
(E-mail: kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg)

*Corresponding author: kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg

Т. Abdiev^b

^bKyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyz Republic
(E-mail: taalay.abdiev@manas.edu.kg)

Stone Sculptures Depicting Umai (Katun) in Kyrgyzstan

Abstract. The paper provides an overview of stone sculptures featuring figures with a distinctive ‘three-horned’ headdress and presents new findings of similar imagery. The geographic distribution of this motif has expanded over time across Central Asia. These depictions, found on coins, bone plaques, and stones, frequently appear alongside male figures, resembling carvings on stone sculptures. These images are generally interpreted as representations of the deity Umai or her earthly counterparts – either a female shaman or the khagan’s consort. The recurrence of scenes showing a long-haired male figure next to a person wearing a “three-horned” headdress suggests the prevalence of this iconographic pairing in early medieval Turkic culture.

This imagery reflects the symbolic alignment of the khagan and his wife with deities Tengri and Umai, reinforcing the khagan’s authority. Such ideological expressions appear in memorial complexes, featuring sculptures of rulers and their spouses, as well as in official

Received 06 March 2025. Revised 04 April 2025. Accepted 17 May 2025. Available online 30 June 2025.

Для цитирования: К. Табалдыев, Т. Абдиев О каменных изваяниях Кыргызстана в образе Умай//катун // Turkic Studies Journal. 2025. Т. 7. № 2. С. 106-127. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2025-2-106-127>

For citation: K. Tabaldyev, T. Abdiev Stone Sculptures Depicting Umai (Katun) in Kyrgyzstan // Turkic Studies Journal. 2025. Vol. 7. No 2. P. 106-127. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2025-2-106-127>

coinage, and other forms of artistic representation. Over time, the image of the woman in the “three-horned” headdress acquired broader cultural significance, extending even into family memorial enclosures.

With the spread of Islam, the prominence of Umai diminished; however, her influence persisted in rituals, magical practices, and folklore. Ethnographic records suggest that Umai was sometimes associated with powerful women or experienced midwives, underscoring her enduring cultural relevance. Oral traditions continue to preserve vivid descriptions of her appearance.

The term *katun* (also *khatun*), historically used to denote the wives of Turkic and Mongol rulers, has ancient Turkic roots. Although its exact etymology remains uncertain, linguistic analysis suggests derivation from the verb *kat-* (“to join, to add”) with the nominal suffix *-yn*, meaning ‘joined’. This etymological structure parallels the word *kelin* (*kel-* meaning ‘to come’), denoting a ‘newcomer’. Originally meaning ‘wife’ or ‘woman,’ the term *katun*//*katyn*//*kadyn* evolved during the Turkic Khaganate period to signify the consort of a ruler and was later adopted by Mongol rulers.

This study highlights the evolving cultural and ideological significance of the ‘three-horned’ headdress and its role in Turkic societal structures.

Keywords: stone sculptures, statue, “three-horned” headdress, Tengri, Umai, khagan, katun, archaeological findings, memorial complexes, Turkic Khaganate.

***К. Табалдыев^a**

*^aҚырғыз-түрік Манас университети, Бішкек, Қырғызстан
(E-mail: kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg)*

**Байланыс үшін автор: kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg*

Т. Абдиев^b

*^bҚырғыз-түрік Манас университети, Бішкек, Қырғызстан
(E-mail: taalay.abdiev@manas.edu.kg)*

Қырғызстанның Ұмай//катун бейнесіндегі тас мүсіндері

Аннотация. Мақалада «үшмүйізді» бас киімді тас мүсіндер мен осындай бас киімді кейіпкерлер бейнеленген жаңа жәдігерлерге жалпы шолу жасалады. Орталық Азия аумағында дәл осы тәріздес бейнелі тас мүсіндердердің таралу аймағы уақыт өткен сайын кеңейіп келеді. Бұл кейіпкерлер тиын мен сүйектен жасалған тақтада және тастарда еркек кейпімен бірге қашалып бейнеленген. Олардың тас мүсіндерде қашалған кейіпкерлермен ұқсастығы өте көп екенін байқауға болады. Бұл туындыларды жасаушылар, бәлкім, Ұмай құдайының бейнесін немесе оның жердегі өкілін, немесе шаман әйелді, немесе қағанның әйелін көрсетуге тырысқаны хақ. Ұзын шашты ер адам мен «үшмүйізді» бас киімді кейіпкердің бейнесі ерте ортағасырлық түркі мәдениетінде де ең көп таралған және танымал болғанын қайталанбалы сюжеттерден-ақ байқасақ болады. Мұнда қаған мен оның әйелінің бейнесін қағандық биліктің символикасын білдіретін идеология болып табылатын Тәңір мен Ұмай кейпімен салыстыру сынды ой жатқан тәрізді. Бұл идеологияның нақты нәтижесі ретінде билеушілердің ескерткіштері, олардың әйелдерінің мүсіндері, ресми мемлекеттік тиындар мен көркем туындылардағы бейнелерді көруге болады. Ұмай бейнесі мен «үшмүйізді» бас киімдегі әйел бейнесі

уақыт өте келе әртүрлі ортада әмбебап сипатқа ие болды. Кәдуілгі отбасылық бейіт қоршауында осы сипаттағы бейнелердің кездесетіндігі мұны дәлелдей алады. Діни бағыттың ауысуы – ислам дінін қабылдау оның жоғары рөлінің әлсіреуіне ықпал етті. Бірақ Ұмайға деген сенім толығымен жоғалмады. Ол ғұрыптық-магиялық сөздерде, дұғалар мен тілектерде аталады. Түркі халықтарының этнографиялық зерттеулері мен фольклорында Ұмай қоғамда ықпалы жоғары әйелдермен салыстырылатын, сондай-ақ әйел босандыратын тәжірибелі әйелдердің бейнесінде көрсетілетін.

Белгілі болғандай, катун//хатун сөзі түркі және моңғол билеушілерінің әйелдеріне немесе билеуші әулеттердің қыздарына арналған титул ретінде қолданылған. Бұл сөз көне түркі жазба ескерткіштерінде кездеседі, бірақ этимологиясы әлі күнге дейін анық емес. Тілдік деректерге сүйенер болсақ, бұл сөздің қат- «қосылу, қосу» етістігіне -ын қосымшасы жалғанып, келін: кел- «келу» + ін, яғни «сырттан келген адам» сияқты «қосылған» деген мағынаны білдіреді. Осылайша, Түркі қағанаты кезінде катун//катын//кадын сөзі бастапқыда «әйел; әйел адам» деген мағынаны білдіріп, кейінірек «билеушінің әйелі» деген жаңа мағынаға ие болды, бұл сөзді кейін келе моңғол билеушілері өздеріне қабылдаған.

Кілт сөздер: тас мүсіндер, мүсін, «үш мүйізді» бас киім, Тәңір, Ұмай, қаған, хатун, археологиялық жәдігерлер, ескерткіштер кешені, Түрік қағанаты.

Введение

Археологическое исследование поминальных памятников раннего средневековья имеет важное значение в изучении культурных традиций раннесредневековых тюркоязычных народов. Их поминальные памятники представлены оградками с каменными изваяниями, эпиграфическими памятниками. С 60-х годов XX в. начались целенаправленные сборы данных и исследования каменных изваяний на Тянь-Шане и в Семиречье.

Благодаря новым находкам и исследованиям появляются возможности значительно дополнить имеющиеся в научном обороте ранее сведения. В Кочкорской долине найдено около трех десятков тюркских руноподобных надписей. Часть надписей по своему содержанию является эпитафиями. Открытие крупных раннесредневековых поминальных комплексов в Елеке-Сазы в Казахстане и в Монголии выдвигает перед исследователями вопросы, не возникшие ранее главным образом ввиду неполноты сведений о каганских поминальных комплексах.

Материалы и методы исследования

К исследованию погребальной и поминальной традиции раннесредневековых тюрков обращаются не только археологи. Поминальные памятники предоставляют возможности этнографам в исследованиях истоков погребально-поминальных традиций кыргызов, казахов, узбеков, алтайцев и других тюркоязычных народов.

Используя археологические, этнографические и письменные свидетельства тюркологи, лингвисты предоставляют немаловажные сведения в деле изучения поверий и обрядовых действий тюрков. Поэтому комплексное исследование остается важным направлением в изучении различных каменных изваяний раннесредневековых тюрков. Современные тенденции требуют повторного обращения на ранее опубликованные материалы. Мы в будущем намерены повторно обращаться и вести контрольные,

дополнительные исследования территорий, где изучались поминальные оградки. Такой шанс появился при сравнительном исследовании сведений В.В. Бартольда и его помощника А. Дудина конца XIX века из Южного Прииссыккуля. В результате удалось установить по фотографиям месторасположения поминальной оградки, где находилось изваяние каганского облика вместе с двумя женскими изваяниями. Все три изваяния предоставили важные сведения о ранее неизвестных типах головных уборов в среде высшего сословия тюрков. При повторном исследовании сведений археолога Я.А. Шера по каменным изваяниям открылись возможности найти дополнительные сведения о «трехрогом» головном уборе. Судя по ним, такой головной убор бытовал в мужской и женской среде высшего сословия тюрков. Среди опубликованных предметов торевтики из средневекового Чуйского города выделились две бронзовые детали наборного пояса с изображением персонажа в «трехроговом» головном уборе. Ранее опубликованное каменное изваяние из района озера Балхаш (Казахстан) с изображением двух персонажей в области живота, тюркские монеты с изображением кагана и его супруги из области Чач (Узбекистан) и изображение двух персонажей на костяной пластине из памятника Сутту-Булак (Кыргызстан) по содержанию оказались едиными.

Степень изученности темы

Результаты многолетних исследований каменных изваяний в трехроговом головном уборе освещены в многочисленных научных статьях и монографиях археологов, этнографов (Гаврилова, 1965; Ахинжанов, 1978: 79; Длужневская, 1978: 233; Потапов, 1973: 265-286; Ермоленко, 1995: 54-55; Кубарев, 2021: 170-179). Каменные изваяния вместе с поминальными оградками Восточных и Западных тюркских каганатов сходны, за исключением некоторых особенностей. Они становились надежным источником в исследовании поминальной традиции раннесредневековых тюркоязычных народов всей Центральной Азии.

Часть археологов связывала «трехроговые» каменные изваяния с образом Умай. Казахский археолог С. Ахинжанов, давая интерпретацию «трехроговых» каменных изваяний, писал, что «немногочисленные типы изваяний в «трехроговых» головных уборах можно считать изображениями шаманок» (Ахинжанов, 1978: 69-79). Этнограф А.М. Сагалаев в своей статье в журнале «Алтаистика» упоминал об одном сведении, полученном от старожил в южном Алтае. Старожил связывал облик Умай со снежными вершинами под названием Белуха («Ўч-Сүмер», Ўч-Айры», «Ак-Сүмер»).

С обнаружением нового материала исследователи каждый раз стараются дополнить предыдущие дискуссии о персонаже в «трехроговом» головном уборе (Варенов, 2020: 35-49).

В публикации Г. Бабаярова есть еще три тюркские монеты, где также изображены те же персонажи, что и в предыдущих монетах (рис. 2). Но здесь они отражены в сидячей позе. Слева в профиль мужское изображение с длинными волосами (Бабаяров, 2007: 14-15). Левая рука приподнята и согнута в локте. Справа изображение женщины в трехроговом головном уборе. В одном экземпляре монеты четко замечается её грудь. Эта сцена почти одинакова со сценой, изображенной на Сутту-Булакской пластине. По предположению Г. Бабаярова, слева изображен принц (каган), справа - принцесса (хатун).

Обнаружение женщины в трехроговом головном уборе было четко выбито в области живота тюркского каменного изваяния, обнаруженного в районе озера Балхаш. Здесь она передана в сидячей позе рядом с мужчиной внутри юрты (шатра), выбита и на

поверхности древнетюркского изваяния (Рогожинский, рис. 3, 6). Рисунок как на редкость был выбит в область живота изваяния, что является редким примером.

Анализ

За последние годы сведения о «трехроговых» каменных изваяниях значительнополнились. На территории Кыргызстана, Казахстана теперь известно более 30 таких изваяний.

Значительная часть их обнаружена в северных регионах Кыргызстана (более тридцати). Есть новые сведения о таких изваяниях из южных областей Казахстана. Опубликованы новые находки из Синьцзян-Уйгурской автономной республики (СУАР) Китайской Народной Республики (в верховьях реки Или). Последние сведения значительно расширяют географию распространения «трехроговых» изваяний. На археологическом материале Алтая, Монголии, Тувы мы не находим распространения каменных изваяний в «трехроговом» головном уборе.

Если в целом сопоставить каменные изваяния Алтая, Тувы, Монголии, то следует признать, что возведение «трехрогих» каменных изваяний было характерно для семиреченско-восточно-туркестанского ареала (жети-суу-тенир-тоосского ареала). Сведения о множестве «трехрогих» изваяний из указанного ареала показывает единство их культурных традиций и распространение новой культурной традиции в отличие от их восточных собратьев.

Среди исследователей временами возникали вопросы: «кто изображен в «трехроговом» головном уборе? Данное изображение женское или мужское?

Таким образом, это тема, связанная с «трехроговыми» изваяниями или рисунками, без внимания исследователей не оставалась. Сбор сведений каждый раз позволяет высказать итоги новых рассуждений. Ниже мы приведем информацию о новых находках и попытаемся отметить некоторые моменты нашей обобщенной точки зрения после публикации материалов из соседних территорий.

Ниже мы попытаемся проанализировать данные, ранее полученные в Кыргызстане, с помощью данных, полученных в соседнем Казахстане, Узбекистане. Вместе с тем мы хотим поделиться своими новыми суждениями.

Образ в «трехроговом» головном уборе был искусно нарисован на одной из костяных пластин, найденной в Кочкорской долине внутреннего Тянь-Шаня (рис. 1).

Рис. 1. Костяная пластина с рисунком двух персонажей. Суттуу-Булак. Кочкорская долина VIII в. (К.Табалдыев).

Конец парных пластин оформлен в виде рыбьего хвоста. На них уникальная многофигурная гравированная композиция. На одной укороченной (длина 5 см) изображено двое людей. Фигура с правой стороны изображена анфас. На голове трехроговый головной убор, лицо округлое, без усов. На теле показан халат с отворотами на груди. Учитывая сюжеты на обеих пластинах, мы полагаем, что «это не простая, обыденная передача женского образа: изображение в данном случае, как и на других каменных изваяниях, связано с ее, по-видимому, весьма значимой ролью не только в поминальном обряде, но и в других сферах духовной культуры раннесредневековых тюркских племен» (Табалдыев, 1996: 69, рис. 22; Худяков и др., 1997: 142-147). На другой пластине батальная сцена – на поле боя противопоставлены друг другу шестеро воинов. Трое из них - тюрки, остальные – их противники (рис. 2).

Рис. 2. Костяная пластина с батальной сценой. Суттуу-Булак. Кочкорская долина VIII в.
Фото и прорисовка (К.Табалдиев).

Предположительно, здесь выгравированы события, связанные с Таласской битвой в 751 году. Здесь тюрки воюют против иноземных захватчиков, которые вторглись на их территорию. Нарисованные в образе противников могут быть арабские или танские завоеватели.

На пластине мог быть запечатлен один из эпизодов событий между 711-738 годами н.э. Это период утраты ведущего положения «желтых» тюргешей. Затем восточные тюрки обосновались в Семиречье, на Тянь-Шане и средней Сыр-Дарье и приходили на помощь согдийцам в борьбе с арабами. Позже вновь приходит период возрождения власти тюргешей. Народ десяти стрел под предводительством «кара тюргешского» кагана Сулука вел борьбу на два фронта. На западе серьезную угрозу представляли арабские армии, на востоке - танский двор. Танский двор поддерживал реваншистски настроенных князей из рода западно-тюркских каганов, обосновавшихся в Восточном Туркестане (Мокрынин, 1984: 238-250).

Если совместить изображения парных накладок, то «трехрогое» изображение выступает как бы в роли духовного покровителя воинов при сражениях с врагами» (Табалдыев, 1996: 69-70). Предварительно можно полагать, что в данном случае искусный художник (гравер, резчик) старался запечатлеть образ божества Умай или ее земную представительницу (шаманку, супругу кагана?).

В связи с изображением «трехрогового» персонажа особого внимания заслуживают монеты Западно-тюркского каганата, найденные в области Чача (Ташкентском оазисе) (Бабаяров, 200: 14-15, рис. 3).

Av

Rv

No. 15

Рис. 3. Бронзовая монета западных тюрков с изображением кагана и катун (принцессы)
(Бабаяров, 2007:14-15)

Здесь отчетливо замечается бюст двух лиц в различных вариантах. Справа от зрителя изображено мужское лицо с длинными косами, характерными для средневековых тюрков. Слева персонаж в «трехроговом» головном уборе. Таких монет в публикации насчитывается около десяти экземпляров. Есть устное сведение нумизмата об обнаружении такой монеты в Чуйской долине Кыргызстана.

Так, рисунок двух пар на костяной пластине из Суттуу-Булака, на монете и еще рисунок на каменном изваянии, обнаруженном в недавнем прошлом на территории Казахстана, в районе озера Балхаш, имеет важное значение в разработке нашей темы (Рогожинский 2010: 329-344). В области живота изваяния семантически близкое изображение в виде двух фигур, сидящих под аналогичным сводом (рис.4).

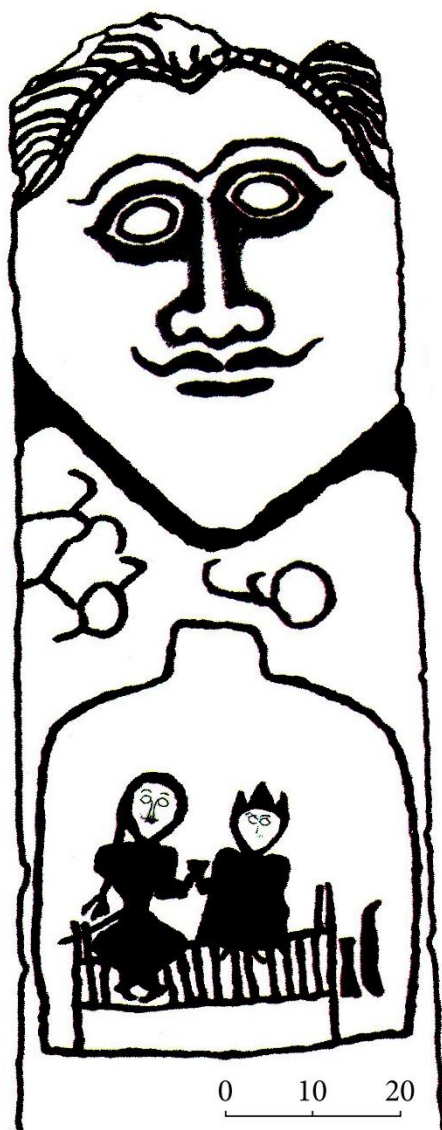

Рис. 4. Каменное изображение из Казахстана (Рогожинский, 2010)

Эти повторяющиеся сюжеты подтверждают, что образ мужчины с длинными волосами вместе с персоной в «трехроговом» головном уборе был наиболее распространенным, популярным в культуре тюрков. На наш взгляд, это уникальное каменное изваяние повторяет сцену из Сутту-Булакской пластины и сцену на монетах западных тюрков. Это синхронные по времени изображения и между ними прослеживается близкая связь.

Постепенное накопление новых сведений о «трехроговых» изваяниях и человеческих изображениях с таким головным убором на различных материалах позволяют развивать исследования в этом направлении.

Ниже даем еще одну совершенно новую информацию о малоизвестных произведениях с образом «трехроговых». На территории Краснореченского городища случайно найдены бронзовые литые накладки с изображением человеческой головы в «трехроговом» головном уборе (рис. 5). Контуры изображения повторяют форму головного убора и головы. На вертикальной плоскости длиной 1,7 см.

Рис. 5. Бронзовые накладки с изображением человеческой головы в «трехроговом» головном уборе. Краснореченское городище (из архива А. Камышева)

На литых бляшках изображены одинаковые безусые, безбородые лица с маленькими ртами. Под ушами выступают каплевидные массивные бусины серег или это концевая часть наушей головного убора (кеп такая с бусиной). Предметы, по всей вероятности, прикреплялись к свисающему ремню поясного набора при помощи стержня (шпеньки).

По нашему мнению, образцы ювелирного искусства из Краснореченского городища (из Невакета) по содержанию тождественны «трехроговым» изображениям на каменных изваяниях. Они передают образ персоны, имевшей важное значение в тюркской духовной культуре.

Кроме перечисленных выше женских образов в трехрогом головном уборе, накапливаются сведения о мужских элитных изваяниях, изображенных в «трехроговом» головном уборе. На груди в середине амулет или социальный знак. На плечах свободная одежда. На треугольных углах отворота кафтана бубенчики.

Одна из них ныне установлена около города Бишкек, в мемориальном комплексе «Ата-Бейит». Объёмно смоделированная скульптурная фигура, высотой более 2 м.

Уплощенным рельефом показаны детали тела, лица и одежды. На голове трехроговый головной убор – башлык. На задней стороне, в области между лопаток, треугольное завершение башлыка. Правая рука согнута в локте под прямым углом и держит перед грудью манерно двумя пальцами кубок с отогнутой наружу закраиной. На запястье замечается браслет. Левая рука полусогнута и пальцы руки расположены на животе. Рукава одежды просторные.

Рис. 6. Каменное изваяние в трехрогом головном уборе. Ата-Бейит, Бишкек.

По оформлению такие объемные изваяния ранее зафиксированы в восточной части Иссык-Куля (Шер, 1964: таблицы XV-XVII). Все они позволяют утверждать, что лица высшей тюркской знати носили просторные одеяния. Детали их головных уборов сохранились частично. При внимательном наблюдении замечаются признаки башлыков с трехроговым завершением. Таким образом, есть возможность выделить небольшую особую группу изваяний тюркской элиты с трехроговым головным убором. Это утверждение позволяет полагать о существовании такого головного убора и в мужской среде.

Полученные результаты

Отражение совместно кагана и катун в «трехроговом» головном уборе, по всей вероятности, было связано с идеологией символизации каганской власти в среде тюркоязычных народов. Подобное же стремление замечается в поминальном комплексе Кюл-тегин на Орхоне. Подготовка статуй принца Кюл-тегина и его супруги, по видимому, являлось продуктом символизации их идеологии, превозвышения власти.

Это должно быть материализованным воплощением народной идеологии тюрков – «тюрк эл». Их превозвышенные образы имели место в устном творчестве и подчеркивались на руническом тексте. Как видно, облик кагана и катун старались воплотить в различных материалах – на костяной пластине, на монетах, на камне. С этой народной идеологией, вероятно, связано изображение двух персонажей в Сулекской писанице, где один из них в трехроговой короне (головном уборе) (Кызласов, 1998: 39-53).

Высказанное выше суждение, возникшее в результате сопоставления рисунков на различных материалах, на наш взгляд, находит соответствие с выводами профессора С.Г. Кляшторного. Рассматривая данную тему по руническим текстам, он писал: «каган подобен по своему образу Тенгри (tenriken), его супруга-царица подобна Умай (Umajteg ögim qatun ‘моя мать-царица, подобная Умай’, КТб, 31). Здесь содержится явное указание на миф о божественной супружеской чете – Тенгри и Умай, земной ипостасью которой и является царская чета в мире людей» (Кляшторный, 1981: 117-138).

Таким образом, рисунки на археологических находках по содержанию оказались созвучными. Сцены на костяных пластинках Суттуу-Булака, рисунок на каменном изваянии в районе озера Балхаш и на монетах с территории Он ок эл (он ок будун) одинаковы по содержанию. В них создатели старались иллюстрировать народную идеологию, веру, имевшую почетное место в их социуме. Они иконографически близки между собой к тюркским каменным изваяниям.

Но как справедливо отметил Ю.С. Худяков: «Ни одно из известных к настоящему времени изображений древнетюркских, западных тюркских, тюркешских и енисейских кыргызских женщин в «трехрогих» головных уборах не может быть с должным основанием интерпретировано в качестве воспроизведения образов верховного бога Тенгри, женского божества Умай или других персонажей божественного пантеона средневековых тюркских кочевников» (Худяков, 2010: 101).

Как показывают результаты археологических исследований, некоторые раннесредневековые тюркские обряды подверглись изменениям, позже они трансформировались под влиянием ислама в течение нескольких столетий.

При детальном исследовании этнографии прослеживаются черты раннесредневековых культур в культуре современных народов центрально-азиатского региона. Они

показывают на пути развития, изменения традиционных культур, указывают на истоки обрядов, обычаев. Их исследования важны и интересны для будущих исследований.

Археологические находки предоставляют нередко возможность проследить истоки развития тех или иных элементов материальной культуры, как, например, конского снаряжения, украшений, одежды. В некоторых случаях позволяют воссоздать их утраченные свойства или же служат связывающим звеном между древней и позднесредневековой культурами. Об этом свидетельствуют язык и фольклор наших народов. Чем дальше углубляемся вглубь истории, тем ближе становятся их истоки в одном ряду. Одним словом, культура раннесредневековых тюркоязычных народов живёт в современной культуре народов Средней Азии.

То, что в «трехроговых» каменных изваяниях изображена не богиня Умай, а царица, подобная Умай, подтверждается новыми нумизматическими данными, а именно монетами, где наряду с каганом изображена его жена катун, «жена правителя».

Этот вопрос может требовать в дальнейшем комплексных исследований. В данном случае весьма важными могут быть результаты исследований лингвистов-тюркологов. В связи с этим мы хотим подробно остановиться на данном термине.

Как известно из истории, слово *катун*//*хатун* использовалось в качестве титула для жен тюркских и монгольских правителей или дочерей из семей правителей. В «Древнетюркском словаре» оно имеет следующее значение: «госпожа, вельможная дама, женщина знатного происхождения; жена правителя, знатного человека» (ДТС, 2016: 463). Оно упоминается в древнетюркских письменных памятниках, например, в известном памятнике в честь Кюль-тегина: *umaj teg ögim qatun qutıŋa inim küŋl tegin er at bultı* для (т. е. на радость) ее величества моей матери-катун, подобной Умай, мой младший брат получил геройское имя Кюль-тегина (Малов, 1951: 40).

Ряд ученых утверждает, что данное слово пришло в тюркские и монгольские языки из согдийского. Например, согласно Дж. Клоссену, согдийское *hwtyŋ*//*hwatun* «царица» вошло в тюркские и монгольские языки как *катун*//*хатун* (Clauson, 1972: 602-603). А по мнению Г. Дёрфера, слово *катун* в форме *kaŋatun* существует у тюркских народов с древнейших времен и происходит от слова *каган* (Doerfer, 1967: 132).

Однако существуют некоторые аргументы против согдийского происхождения слова *катын*. Во-первых, как уже говорилось выше, слово *катун*//*хатун* употреблялось только по отношению к женам и дочерям тюрко-монгольских правителей. Потому что, в отличие от других, в тюрко-монгольских государствах жены правителей играли важную роль (Islam Ansiklopedisi, 1997: 499-500). Во-вторых, это слово не встречается в других иранских языках (Дыбо, 2013: 529). Данное обстоятельство подталкивает к мысли, что это слово могло перейти из тюркских языков в согдийский язык. В-третьих, слово, родственное этому слову, встречается и в южносибирских тюркских языках, не подвергшихся влиянию согдийцев: «кадыт разг. женщина; замужняя женщина; жена» (АРС, 2018: 249). В силу этих обстоятельств можно предположить, что данное слово является исконно тюркским.

Такое предположение впервые высказала Л.А. Покровская: «Интересно отметить, что форма *кат* имеется не только в тувинском, но и в некоторых других северо-восточных тюркских языках, а именно в хак. *хат* «баба», шорск. *кат* «женщина». В.В. Радлов отметил слово *кат* «женщина» в тел. и куманд. Наличие слова *кат*//*хат* в северо-восточных тюркских языках, тождественного по своей семантике слову *кадын*//*хатун*

других тюркских языков, может указывать на то, что слово *кадын*//*хатун* исторически представляет не цельный, неразложимый звуковой комплекс, а корень *кат*//*хат* + формант *-ын*, уже не раз встречавшийся нам в терминах родства» (Покровская, 1961: 59).

Л.А. Покровская объясняла этимологию слова келин «невеста» следующим образом: «Что касается этимологии *келин*, то это слово принято производить от глагола *кел*-//*гел*- «приходить». Это предположение имеет под собой почву, так как не случайно термином *келин* обозначается не «невеста» в русском понимании этого слова, т.е. помолвленная, сговоренная девушка, а невеста только со дня свадьбы, когда она впервые приходила в дом жениха и оставалась в нем жить. Таким образом, если считать формант *-ин* в слове келин одним из фонетических вариантов пережиточного аффикса *-н*//*-ын*//*ин*, *//*-*ун*, *//*-*үн*, образующего имена существительные и прилагательные от глаголов (ср., например, тур. *ekin* «посев», *tütün* «табак», «дым», *sayın* «избранный», *yogun* «густой», «плотный» и т.п.), то келин примерно соответствует по значению русскому слову «пришелец» в женском роде (т.е. форме «пришелица», не употребляющейся в русском языке» (Покровская, 1961: 64).

На основе этой модели позже была предложена новая этимология слова *катын*: «Образовано от глагола *qat* – «присоединять, прибавлять» посредством афф. *-уп*. ср. *kel + in* – одна модель в отношении названий женщин» (СИГТЯ, 2001: 297).

В современном кыргызском языке глагол *кат*- не употребляется в вышеуказанном смысле, но сохранился в составе таких фразеологизмов, как *ун кат* «говорить», *сөз кат* «сказать слово», *тил кат* «говорить, замолвить слово». Если принять во внимание, что в других тюркских языках, например, в турецком, данное слово употребляется в значении «прибавить, присоединять», значение приведенных фразеологизмов становится ясным *сөз кат* = слово прибавить» и т.д. Кроме того, глагол *кат*- встречается в составе производных слов *кат* + *ык* > *катык* «приправа к жидкой пище», *кат* + *ыш* > *катыш* «прибавляться».

Некоторые языковые материалы, дающие дополнительные подтверждения приведенной выше этимологии слова *келин*, можно найти в «Кыргызско-русском словаре» К.К. Юдахина: «келин 1. сноха, невестка; келин болуп түш- (о новобрачной) прибыть в дом мужа; стать снохой, молодухой; 2. молодуха; койчунун таягынан, келиндин аягынан *погов.* (благосостояние семьи зависит от палки пастуха овец (как он будет пасти) и от ног молодухи (принесёт ли она с собой семейное счастье; в старом быту невеста, переезжая в аул жениха, перед аулом сходила с коня и шла пешком)» (Юдахин, 1965: 370).

Как видно, слово келин используется по отношению к девушке, только что пришедшей в дом мужа, и употребляется оно еще до рождения ребенка. Косвенным тому подтверждением могут стать киргизские пословицы: *бээ туумайынча байтал аты калбайт*, *катын туумайынча келин аты калбайт* – пока кобылица не ожеребится, её не перестанут называть байтал (кобылица ещё не жеребившаяся), пока женщина не родит, её не перестанут называть молодухой; *Бээ туугуча – байтал*, *катын төрөгүчө – келин* – Пока кобылица не родит, она – байтал; пока женщина не родит, она – молодуха.

Статус вновь вышедшей замуж женщины отражает еще одна пословица: *Эри өлүп эрге тийген катын келинчек болот* – Женщина, вышедшая после смерти мужа замуж, (снова) становится молодухой. Поэтому женщина, пришедшая в дом мужа, в первую очередь является невестой, т.е. это будет пришелец из другого места. Имена невест со значениями «пришедшая из другого места», «чужая», «неизвестная» характерны и для других языков. Например, так трактуется и значение слова невеста в славянских языках означает: *невеста* < не и ведать «неизвестная».

После родов *келин* приобретает статус матери и присоединяется к родственникам мужа. Если раньше она была женщиной, приходившей к другим как жена родственника, но теперь они начинают воспринимать ее как мать родственника, то есть она более родственная и смешанная, чем раньше. С этой точки зрения этимология слова *катын*, приведенная выше, кажется более убедительной, чем остальные варианты.

Разумеется, статус невестки у женщины сохраняется на протяжении всей ее жизни, то есть она остается невесткой для старшего мужа. Отношения кыргызских женщин с родственниками мужа подробно описаны в работах Н.П. Дыренковой, Д.Т. Молдокуловой (Дыренкова, 1927; Молдокулова, 2016), мы не будем на нем останавливаться. Нас здесь интересуют табуированные слова, которые невесты не могут произносить.

Как известно, в древности люди верили в то, что человек и его имя — неразрывное целое, и, назвав человека, ему можно навредить и даже убить. С этим древним поверьем связано табу в отношении родственников мужа, то есть невестке запрещается упоминать имена всех родственников ее мужа. Потому что это она была чужая, незнакомая девушка (*келин* «пришлица») из другой страны или женщина (*катын* «присоединившаяся») из другой страны, поэтому они боялись, что могут навредить своим родственникам, упомянув их имена. При этом для собственных дочерей такой запрет не существовал. Можно сказать, что это может служить косвенным доказательством упомянутой выше этимологии слов *келин* и *катын*.

Слово *катын* относится к терминам родства, составляющим архаический пласт языка, и эта группа лексико-семантических названий, выражающих родственные связи, считается неотъемлемой частью основной лексики каждого языка. Термины родства в тюркских языках, в том числе в кыргызском, уже изучались в ряде работ (Дыренкова, 1927; Покровская, 1961; Кононов, 1958; Абрамзон, 1976; Мусаев, 1974; Yong-Söng Li, 1999; Jumakupova, 2021).

В современном кыргызском языке данное слово имеет следующее значение: «катын жена; женщина; пожилая женщина; *груб.* баба; катын жакшы – эр жакшы *погов.* жена хороша, (так и) муж хорош (*репутацию мужу создаёт жена*)» (Юдахин, 1965: 360). В «Толковом словаре кыргызского языка» также указано, что это слово употребляется в более грубом смысле, чем аял «женщина» (КТТС, 2019: 730).

Эвфемистическое значение арабского слова *аял* отмечено и в «Кыргызско-русском словаре» К.К. Юдахина: «аял ар. 1. женщина; колхозчу аял колхозница; аял оорулары женские болезни; 2. *эвф.* жена, супруга; аял жакшы – эр жакшы *погов.* жена хороша, (так и) муж хорош (Юдахин, 1965: 87)

Доказательством того, что слово *аял* вошло в наш язык позже, может служить эпос «Манас». Здесь часто встречается слово – *катын*, но *аял* не встречается. Если обратиться к версии Сагымбая Орозбакова и Саякбая Каралаева, то в самом эпосе слово *аял* не употребляется, за исключением вступлений и пояснений, написанных другими.

Аял начал активно употребляться в кыргызском языке с 20-30-х годов XX века. После Октябрьской революции 1917 года в кыргызском обществе начались глубокие социально-экономические и культурные изменения. Первые законодательные акты и специальные постановления советского правительства узаконили равноправие кыргызских женщин в обществе и в семье. Эти постановления выполнялись женскими отделами партийных комитетов. Они организовывали различные конференции работниц и крестьянок, привлекали женщин к производственной, советской, профсоюзной и другой общественной деятельности, открывали клубы, красные уголки, промышленные артели. В результате женщины получили право голосовать и быть

избранными в различные государственные органы. Их права на труд, образование и землепользование признаны законом. Законы об отмене брака, повышении брачного возраста, запрете многоженства и принудительных браков нанесли удар по старым патриархально-феодальным отношениям.

В силу этих обстоятельств в новом кыргызском обществе тяжелая жизнь женщин до революции рассматривалась как предел унижения и тирании над ними и само употребление слова *катын* по отношению к женщинам воспринималось как невежество, и вместо него стали употреблять эвфемизм аял «женщина». Поначалу это слово активно использовалось в партийных организациях, особенно в их женском отделе, а позже быстро распространилось среди общественности. Можно сказать, что К.К. Юдахин, собиравший в те годы материал для своего «Кыргызско-русского словаря», почувствовал это и включил его в свой словарь. Кроме того, в кыргызском языке в этом смысле употребляется и арабизм *зайып*.

Следует отметить, что наряду с этим слово эр, издревле употреблявшееся в значении мужа, также начало восприниматься как грубое слово, и вместо него стали употребляться эвфемизмы *жолдош* «спутник; товарищ, друг» и *жубай* «один из пары; супруг».

Как известно, эвфемизмы появляются для того, чтобы дать другое название чему-то, что в определенное время считается грубым для общества, и для этого наряду с другими языковыми средствами используются слова, заимствованные из другого языка (Москвин 2001). В ряде тюркских языков такие арабизмы, как *аял*/*хайал*, *арвад* используются как эвфемизмы для слова *катын* (Покровская, 1961: 59).

Тот факт, что слово *катын* воспринимается как грубое слово, а вместо него используются слова из других языков как эвфемизм, касается не только кыргызского языка, но и других тюркских языков бывшего Советского Союза. Фактически в некоторых из них слово аял стало вытеснять катын. Например, в каракалпакском литературном языке слово *катын* считается устаревшим, и вместо него используется *хаял*, а в туркменском литературном языке обычно используется слово *аял*, а слово *хатын* считается типичным для разговорной речи. В азербайджанском языке *гадын* употребляется только в значении «женщина», а *арвад*, происходящий из арабского языка, употребляется в значении «жена» (Покровская, 1961: 59). В словарях казахского языка *катын* отмечается как просторечное слово (СИГТЯ, 2001: 296).

А в турецком языке слово *катын* не имеет такого грубого значения: «kadın 1. 1) женщина; 2) уст. госпожа; дама; 2. хозяйственная, домовитая (о женщине)» (ТРС, 1994: 494). Как видно, здесь сохранилось древнее значение данного слова.

Таким образом, можно предположить, что исконно тюркское слово катун//катын//кадын, имеющее первоначальное значение «жена; женщина», во времена тюркского каганата приобрело новое значение – «жена правителя», которое впоследствии заимствовали монгольские правители.

Заключение

Данные находки предполагают по-новому оценить сцену, изображенную на пластине из Суттуу-Булака. По всей вероятности, значение сцены гораздо шире, чем мы ранее предполагали. Безусловно, это не индивидуальное решение художника или скульптора. Они отражали популярные персонажи средневековой тюркской культуры, идеологии и веры. Повторяющиеся детали рисунков на совершенно разных предметах исключают

элемент случайного совпадения. Этот сюжет, безусловно, был широко распространен в указанную эпоху.

Вышеуказанные находки вместе с предыдущими позволяют обобщить некоторые стороны этого культурного признака раннесредневековых западных тюрков. О степени распространения в их культурной жизни и идеологии. Изучение этой группы каменных изваяний, как и рисунка на костяной пластине из Суттуу-Булака, убеждает в высокой роли этого женского начала в духовной культуре тюрков. Отметим также, что ареал распространения этого образа в центрально-азиатском регионе с течением времени расширяется. Так, рисунок на костяной пластине из Суттуу-Булака и рисунок на каменной стеле из Когалы в Чу-Илийском междуречье почти идентичны.

После постепенного, поэтапного проникновения мусульманства вера в верховные тюркские божества Тенир (Тенри, Умай, Йер-Суб) не вписывалась в каноны ислама.

Но, несмотря на вытеснения, они в мировоззрении среднеазиатских тюркоязычных народов сохранились вплоть до современности. Даже сейчас часто женщины обращаются к матери Умай и просят помощи у нее, особенно, в важных и трудных случаях – при родах или когда вопрос касается жизни и здоровья её ребенка. При лечении детей (эмдегенде) знахари (бубу) используют обращение «Менин колум эмес, Умай эненин колу, Батма-Зууранын колу» (тебя лечит не моя рука, а рука матери Умай, рука Батмы-Зууры). Данное обращение синкретическое: бубу лечит от имени древнетюркского божества Умай и от имени дочери пророка Мухаммеда Фатимы (Зухра её прозвище). Нередко можно услышать «Баланын жузун тундо Умай энеси жууп кетиптир» (ночью лицо малыша помыла мать Умай), «Кудай колдосун, Умай колдосун» (пусть поддерживает Кудай, пусть поддерживает Умай), «Тенир-Умай колдосун» (пусть покровительствует (поддерживает) Тенир-Умай), «Умай-Эне, Тенир-Ата колдосун» (пусть покровительствует Мать-Умай, Отец-Тенир). Данные примеры, укоренившиеся в памяти, свидетельствуют о высокой роли божества в мировоззрении тюркских народов современности.

Литература

Абрамзон С.М., 1976. О некоторых терминах родства в тюркских языках. TURKOLOGIA. К 70-летию академика А.Н.Кононова. Л.: Наука. С. 204-207.

Абрамзон С.М., 1990. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе. 480 с.

АРС, 2018. Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск. 936 с.

Ахинжанов С.М., 1978. Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья. Археологические памятники Казахстана. Алматы. С. 65-79.

Бабаяров Г., 2007. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI-VIII вв. н.э.). Изд-во Национальной библиотеки Узбекистана им. Навои. Ташкент. 120 с.

Варенов А. В., 2020. Всадники в трехрогих головных уборах на петроглифах Китая и их сибирские и центральноазиатские соответствия. Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 19, № 10: Востоковедение. С. 35-49. <https://vestnik.nsu.ru/historyphilology/files/e8f71d7f867921428ce8fb77edc86cd5.pdf>

Гаврилова А.А., 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 144 с.

Длужневская Г.В., 1978. Еще раз о «кудыргинском валуне» (к вопросу об иконографии Умай у древних тюрков). Тюркологический сборник. Москва. С. 230-237.

- Древности Сибири и Центральной Азии, 2010. Сборник научных трудов / под ред. В.И. Соенова. Горно-Алтайск: ГАГУ. №3 (15). 176 с.
- Древность и средневековье, 2000. СПб.: Петербургское Востоковедение («Orientalia»). 320 с.
- ДТС, 2016. Древнетюркский словарь. Издание второе, пересмотренное/под редакцией Д.М.Насилова. Астана. Ғылым баспасы. 760 с.
- Дыбо А.В., 2013. Этимологический словарь тюркских языков. Астана. 616 с.
- Дыренкова Н.П., 1927. Брак, термины родства и психические запреты у кыргызов. Сборник этнографических материалов. Ленинград. С. 7-25.
- Ермоленко Л.Н., 1995. К проблеме каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах. Наскальное искусство Азии. Кемерово: Кузбассвуиздат, Вып. 1. С. 54-55.
- Ибрагимов М., 2005. Кыргыз макал-ылакап, учкул сөздөрү. Кара-Балта. 500 с.
- Кляшторный С.Г., 1981. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках. Тюркологический сборник. Москва. С. 117-138.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб: Петербургское востоковедение. 320 с.
- Кононов А.Н., 1958. К этимологии слова огул “сын”. Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б.Я.Владимирцева. Москва. С. 175-176.
- КТТС, 2019. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү. Бишкек. 1458 с.
- Кубарев Г.В., 2021. Изображение женщины в трехрогом головном уборе из Апшиякти и его историко-культурный аспект. Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: 300-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы международной конференции. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО. С. 170-179.
- Кызласов И.Л., 1998. Изображение Тенгри и Умай на Сулукской писанице. Этнографическое обозрение. № 4. С. 39-53.
- Малов С.Е., 1951. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.–Л. 451 с.
- Молдокулова Д.Т., 2016. Кыргыздардын салттык жүрүм-турум маданияты (XIX кылымдын аягы - XX кылымдын башы). Бишкек. 150 с.
- Москвин В.П., 2001. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования. Вопросы языкознания, №3, С. 58-70.
- Мусаев К.М., 1974. Термины родства в современных западнокыпчакских языках. Sprachgeschichte und Kultur der altaischen Völker. Berlin. P. 170-184.
- Покровская Л.А., 1961. Термины родства в тюркских языках. Историческое развитие лексики тюркских языков. Москва. С. 11-81.
- Потапов Л.П., 1973. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных. Тюркологический сборник. Москва. 265-286.
- Рогожинский А. Е., 2010. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана. Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Алматы: Print-S. С. 329-344.
- Табалдиев К.Ш., 1996. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек. 256 с.
- СИГТЯ, 2001. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. Москва. 824 с.
- ТРС, 1994. Турецко-русский словарь. Стамбул. 950 с.
- Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш., Солтобаев О., 1997А. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрков на Тянь-Шане. Российская археология. № 3. С. 142-147.

Худяков Ю.С., 2010. Об изображении божеств древнетюркского пантеона на памятниках искусства кочевников Южной Сибири и Центральной Азии эпохи раннего средневековья. Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ. № 3. С. 92-102.

Шер Я. А., 1966. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука. 138 с.

Юдахин К.К., 1965. Киргизско-русский словарь. Москва. 973 с.

Clauson G., 1972. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford. 988 p.

Doerfer G., 1967. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. III. Wiesbaden. 670 p.

Islam Ansiklopedisi, 1997. Vol. 16. Istanbul. 560 p.

Jumakunova G., 2021. Kirgiz Dilinde Soya Dayalı Akrabalık Terimleri. KutBilim, Vol.1, No.1. P. 1-19.

Yong-Söng Li., 1999. Türk Dillerinde Akrabalık Adları. İstanbul. 415 p.

References

Abramzon S.M., 1990. Kirgizy i ih etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi [Kyrgyz and their Ethnogenetic and Historical-Cultural Connections]. Frunze. 480 p. [in Russian].

Abramzon S.M., 1976. O nekotorykh terminakh rodstva v tyurkskikh yazykakh [On Some Kinship Terms in Turkic Languages]. TURKOLOGIA. K 70-letiyu akademika A.N. Kononova [TURKOLOGIA. In Honor of Academician A.N. Kononov's 70th Anniversary]. L.: Nauka. P. 204-207. [in Russian]

ARS, 2018. Altajsko-russkij slovar' [Altai-Russian Dictionary]. Gorno-Altajsk, 2018. 936 p. [in Russian]

Ahinzhanov S.M., 1978. Ob etnicheskoj prinadlezhnosti kamennykh izvayaniy v «trekhrogih» golovnykh uborah iz Semirech'ya [On the Ethnic Affiliation of Stone Figures with "Three-Horned" Headgear from Semirechye]. Arheologicheskie pamyatniki Kazakhstana [Archaeological Monuments of Kazakhstan]. Almaty, Nuka Kaz. SSR. P. 65-79. [in Russian]

Babayarov G., 2007. Drevnetyurkskie monety Chachskogo oazisa (VI-VIII vv. n.e.) [Ancient Turkic Coins from the Chach Oasis (6th-8th centuries AD)]. Izd-vo Nacional'noj biblioteki Uzbekistana im. Navoi [Publishing House of the National Library of Uzbekistan named after Navoi]. Tashkent. 120 p. [in Russian]

Varenov A.V., 2020. Vsadniki v trekhrogih golovnykh uborah na petroglifakh Kitaya i ih sibirskie i central'noaziatskie sootvetstviya [Riders in Three-Horned Headgear on Petroglyphs of China and Their Siberian and Central Asian Equivalents]. Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of NSU. Series: History, Philology]. T. 19, № 10: Vostokovedenie. P. 35–49. <https://vestnik.nsu.ru/historyphilology/files/e8f71d7f867921428ce8fb77edc86cd5.pdf> [in Russian]

Gavrilova A.A., 1965. Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altajskikh plemyon [The Kudyrge Burial Site as a Source on the History of Altai Tribes]. M.-L., 1965. 145 p. [in Russian]

Dluzhnevskaya G.V., 1978. Eshche raz o «kudyrginskom valune» (k voprosu ob ikonografii Umaj u drevnih tyurkov) [Once Again About the "Kudyrge Boulder" (On the Iconography of Umay Among the Ancient Turks)]. Tyurkologicheskij sbornik [Turkological Collection]. M., P. 230-237. [in Russian]

Drevnosti Sibiri i Central'noj Azii [Antiquities of Siberia and Central Asia], 2010. Sbornik nauchnykh trudov / pod red. V.I. Soenova. Gorno-Altajsk: GAGU, P. 93-103. (in Russian)

Drevnost' i srednevekov'e [Antiquity and the Middle Ages], 2000. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie. («Orientalia»). 320 p. [in Russian]

- DTS, 2016. Drevnetyurkskij slovar' [Ancient Turkic Dictionary]. Astana. 760 p. [in Russian]
- Dybo A.V., 2013. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov [Etymological Dictionary of Turkic Languages]. Astana. 616 p. [in Russian]
- Dyrenkova N.P., 1927. Brak, terminy rodstva i psihicheskie zaprety u kyrgyzov [Marriage, Kinship Terms, and Psychological Taboos Among the Kyrgyz]. Sbornik etnograficheskikh materialov [Collection of Ethnographic Materials]. Leningrad. P. 7-25. [in Russian]
- Ermolenko L.N., 1995. K probleme kamennyh izvayaniy v «trekhrogih» glavnykh uborah [On the Stone Figures of "Three-Horned" Headgear]. Naskal'noe iskusstvo Azii [Rock Art of Asia]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, Vyp. 1. P. 54-55. [in Russian]
- Ibragimov M., 2005. Kyrgyz makal-ylakap, uchkul sözderi [Kyrgyz Proverbs, Sayings, and Rare Words]. Kara-Balta. 500 p. [in Kyrgyz]
- Klyashtorniy S.G., Sultanov T.I., 2000. Gosudarstva i narody evrazijskikh stepejn [States and Peoples of the Eurasian Steppes]. SPb: Peterburgskoe vostokovedenie. 320 p. (in Russian)
- Klyashtorniy S.G., 1981. Mifologicheskie syuzhety v drevnetyurkskikh pamyatnikah [Mythological Themes in Ancient Turkic Monuments]. Tyurkologicheskij sbornik. M.: P. 117-138. [in Russian]
- Kononov A.N., 1958. K etimologii slova ogul "syn" [On the Etymology of the Word "Ogul" ("Son")]. Filologiya i istoriya mongol'skikh narodov. Pamyati akademika B.Ya. Vladimircева [Philology and History of Mongol Peoples. In Memory of Academician B.Ya. Vladimircев]. Moskva. P. 175-176. [in Russian]
- KTTS, 2019. Kyrgyz tilinin tyshyndyrmə sözdygy [Kyrgyz Language Explanatory Dictionary]. Bishkek. 1458 p. [in Kyrgyz]
- Kyzlasov I.L., 1998. Izobrazhenie Tengri i Umaj na Sulekskoj pisanice [Depiction of Tengri and Umay on the Sulekskaya Petroglyphs]. Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. № 4. P. 39-53. [in Russian]
- Kubarev G.V., 2021. Izobrazhenie zhenshchiny v trekhrogom glavnom ubore iz Apshiyaktiy i ego istoriko-kul'turnyj aspekt [The Image of a Woman in Three-Horned Headgear from Apshiyakty and Its Historical-Cultural Aspect]. Drevnee iskusstvo v kontekste kul'turno-istoricheskikh processov Evrazii: 300-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoj pisanicy. Materialy mezhdunarodnoj konferencii [Ancient Art in the Context of Cultural-Historical Processes of Eurasia: The 300th Anniversary of the Scientific Discovery of the Tomsk Petroglyphs. Materials of the International Conference]. Kemerovo: Izd-vo KRIPKiPRO. P. 170-179. [in Russian]
- Malov S.E., 1951. Pamyatniki drevnetyurkskoj pis'mennosti. Teksty i issledovaniya [Monuments of Ancient Turkic Writing. Texts and Research]. M.– L. 451 p. [in Russian]
- Moldokulova D.T., 2016. Kyrgyzdardyn salttyk zhyrym-turum madaniyaty (XIX kylymdyn ayagy - XX kylymdyn bashy) [The Traditional Culture of Kyrgyz Behavior (Late 19th - Early 20th Century)]. Bishkek. 150 p. [in Kyrgyz]
- Moskvin V.P., 2001. Evfemizmy: sistemnye svyazi, funkcii i sposoby obrazovaniya [Euphemisms: Systemic Relationships, Functions, and Ways of Formation]. Voprosy yazykoznanii. №3. P. 58-70. [in Russian]
- Musaev K.M., 1974. Terminy rodstva v sovremennykh zapadnokypchakskikh yazykah [Kinship Terms in Modern Western Kipchak Languages]. Sprachgeschichte und Kultur der altaischen Völker. Berlin. P. 170-184. [in Russian]
- Rogozhinskij A.E., 2010. Novye nahodki pamyatnikov drevnetyurkskoj epigrafiki i monumental'nogo iskusstva na yuge i vostoке Kazakhstana [New Finds of Ancient Turkic Epigraphy and Monumental Art in the South and East of Kazakhstan]. Rol' nomadov v formirovanii kul'turnogo naslediya Kazakhstana [The Role of Nomads in the Formation of Kazakhstan's Cultural Heritage]. Almaty: Print-S. P. 329-344. [in Russian]

- SIGTYA., 2001. Sravnitel'no istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Leksika [Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. Lexicon]. Moskva. 824 p. [in Russian]
- TRS., 1994. Turecko-russkij slovar' [Turkish-Russian Dictionary]. Istanbul. 950 p. [in Russian]
- Potapov L.P., 1973. Umaj – bozhestvo drevnih tyurkov v svete etnograficheskikh dannyh [Umay – The Deity of the Ancient Turks in the Light of Ethnographic Data]. Tyurkologicheskij sbornik. M., P. 265-286. [in Russian]
- Pokrovskaya L.A., 1961. Terminy rodstva v tyurkskih yazykah [Kinship Terms in Turkic Languages]. Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskih yazykov [Historical Development of Turkic Languages' Lexicon]. Moskva. P. 11-81. [in Russian]
- Hudyakov Yu.S., Tabaldiev K.Sh., Soltobaev O.A., 1997. Novye nahodki predmetov izobrazitel'nogo iskusstva drevnih tyurok na Tyan'-Shane [New Finds of Visual Artifacts from Ancient Turks in the Tian Shan Mountains]. Rossijskaya arheologiya. № 3. P. 142-147. [in Russian]
- Hudyakov Yu.S., 2010. Ob izobrazhenii bozhestv drevnetyurkskogo panteona na pamyatnikah iskusstva nomadov Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii epohi rannego srednevekov'ya [On the Depiction of Gods of the Ancient Turkic Pantheon on the Monuments of Art from the Nomads of Southern Siberia and Central Asia in the Early Middle Ages]. Drevnosti Sibiri i Central'noj Azii [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Gorno-Altajsk: GAGU. № 3. P. 92-102. [in Russian]
- Sher Ya.A., 1966. Kamennye izvayaniya Semirech'ya [Stone Figures of Semirechye]. M.; L.: Nauka, 138 p. [in Russian]
- Yudahin K.K., 1965. Kirgizsko-russkij slovar' [Kyrgyz-Russian Dictionary]. Moskva. 973 p. [in Russian]
- Clauson G., 1972. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford. 988 p.
- Doerfer G., 1967. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. III. Wiesbaden. 670 p. [in German]
- Islam Ansiklopedisi, 1997. Vol. 16. Istanbul. 560 p. [in Turkish]
- Jumakunova G., 2021. Kirgız Dilinde Soya Dayalı Akrabalık Terimleri. KutBilim, Vol.1, No.1. P. 1-19. [in Turkish]
- Yong-Söng Li., 1999. Türk Dillerinde Akrabalık Adları. İstanbul. 415 p. [in Turkish]

Сведения об авторах:

Табалдыев Кубатбек Шакиевич, доктор исторических наук, профессор, Кыргызско-Турецкий университет «Манас», проспект Ч. Айтматова, 56, Бишкек, Кыргызская Республика.

<https://orcid.org/0000-0002-6679-8030>

Абдиев Таалайбек Камбарович, кандидат филологических наук, доцент, Кыргызско-Турецкий университет «Манас», проспект Ч. Айтматова, 56, Бишкек, Кыргызская Республика.

<https://orcid.org/0000-0002-8836-3660>

Information about authors:

Tabaldiev Kubatbek Shakievich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kyrgyz-Turkish Manas University, 56 Ch.Aitmatov Ave., Bishkek, Kyrgyz Republic.

Scopus Author ID: 16069513600

<https://orcid.org/0000-0002-6679-8030>

Abdiev Taalaybek Kambarovich, Candidate of Philological Sciences, Ass. Professor, Kyrgyz-Turkish Manas University, 56 Ch.Aitmatov Ave., Bishkek, Kyrgyz Republic.

<https://orcid.org/0000-0002-8836-3660>

Авторлар туралы мәлімет:

Табалдыев Кубатбек Шакиевич, тарих ғылымдарының докторы, профессор, Қырғыз-түрік Манас университеті, Ч. Айтматов даңғ., 56, Бішкек, Қырғызстан.

Scopus Author ID: 16069513600

<https://orcid.org/0000-0002-6679-8030>

Абдиев Таалайбек Камбарович, филология ғылымдарының кандидаты, доцент, Қырғыз-түрік Манас университеті, Ч. Айтматов даңғ., 56, Бішкек, Қырғызстан.

<https://orcid.org/0000-0002-8836-3660>